

**ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ**
(на материале очерка М.И. Цветаевой «Мой Пушкин»)

Стаття присвячена розгляду особливостей функціонування прецедентних феноменів у метафоричному континуумі нарису «Мій Пушкін». Здійснюється аналіз даних явищ у ментально-вербальному лексиконі М.І. Цветаєвої.

Ключові слова: метафоричний континуум, прецедентний текст, прецедентне ім'я, автопрецедент.

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования прецедентных феноменов в метафорическом континууме очерка «Мой Пушкин». Осуществляется анализ данных явлений в ментально-вербальном лексиконе М.И. Цветаевой.

Ключевые слова: метафорический континуум, прецедентный текст, прецедентное имя, автопрецедент.

The article deals with some consideration of features of functioning of the precedent phenomena in the metaphorical continuum of essay «My Pushkin». The analysis of these phenomena is conducted in the mental-verbal lexicon of M.I. Tsvetaeva.

Keywords: metaphorical continuum, precedent text, precedent name, autoprecedent.

Интерес к прецедентным феноменам возник после введения Ю.Н. Карауловым в научный обиход понятия «прецедентный текст» в 1987 году и не угасает в настоящее время. Особый вклад в изучение данного явления внесли отечественные лингвисты – Д.В. Багаева, Л.В. Балахонская, О.А. Ворожцова, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Л.П. Иванова, В.В. Красных, Е.А. Нахимова, Ю.Е. Прохоров, О.П. Семенец, Г.Г. Слышкин, Ю.А. Сорокин, Н.А. Фатеева и многие другие. Особенности функционирования прецедентных феноменов (ПФ) рассматриваются в художественном, научном, бытовом, политическом, публицистическом дискурсах.

Особый интерес представляет характер функционирования ПФ в рамках метафорического континуума, представленного в очерке М.И. Цветаевой «Мой Пушкин», поскольку роль смысловых скреп в образной системе могут выполнять не только тропы, стилистические фигуры, но и другие языковые единицы, входящие в состав языковой картины мира автора. В связи с тем, что интеллектуальный уровень и эрудиция М.И. Цветаевой были чрезвычайно высоки, её произведения насыщены аллюзиями к известным авторам, произведениям искусства (литературы, живописи, музыки, архитектуры), историческим событиям.

В данном исследовании используется общепринятая классификация ПФ, разработанная коллективом учёных – Д.Б. Гудковым, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой. По мнению В.В. Красных, «прецедентные феномены - это феномены:

- 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества;
- 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- 3) обращению к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [3: 52].

Вслед за Ю.Е. Прохоровым и Д.Б.Гудковым, разграничиваем четыре типа ПФ, так как помимо трёх общепринятых типов (социумно-прецедентные феномены, национально-прецедентные, универсально-прецедентные) учёные выделяют также автопрецедентные феномены [1; 5].

Автопрецеденты представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды [5: 148] (для М.И. Цветаевой таковыми являлись прецедентные имена (ПИ) Пушкин, Пугачёв, Наполеон, прецедентная ситуация (ПС) встречи Татьяны с Онегиным, прецедентные тексты (ПТ) «К морю», «Поэт и чернь», «Евгений Онегин», прецедентное высказывание (ПВ) «Прощай, свободная стихия!»).

Как известно, прецедентные феномены полифункциональны, что обуславливает наличие нескольких классификаций тех задач, которые могут выполнять в произведении данные явления (Д.Б. Гудков, С.Б. Сереброва, Г.Г. Слышкин, А.Е. Супрун, О.Е. Фролова). Основной функцией ПФ является смыслопорождающая. Способы функционирования разнообразны, они зависят от характера текста, идиостиля, личности автора и других факторов. Различные учёные выделяют несколько видов функций ПФ [4]. Рассмотрим некоторые из них на примере метафор в очерке «Мой Пушкин».

1. Оценочная: *«любовь - это так же и там же жжёт, как от Земфиры и Алеко и Мариулы и могилы»*, – ПИ из поэмы «Цыганы» подчёркивают эмоциональный характер высказывания, субъективное понимание М.И. Цветаевой чувства любви.

2. Экспрессивная: *«Бесов же [жалела] жалостью высокой, жалостью - восторгом и восхищением, как потом жалела Наполеона на Св. Елене и Гете в Веймаре»*, – автопрецедентные имена и ПС подчёркивают экспрессивное наполнение метафоры, связанной с ПТ «Бесы».

3. Прагматическая: *«Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта. А Гончарова, как и Николай I-ый – всегда найдётся»*, – так как ПФ зачастую являются мощным средством воздействия на читателя, автор, используя ПИ с ссылкой на ПТ «Поэт и чернь», противопоставляет А.С. Пушкина как поэта и воплощение гениальности тем его современникам, к которым лично испытывала неприязненные чувства.

4. Моделирующая: *«Памятник Пушкина, опережая события – памятник против расизма, за равенство всех рас, за первенство каждой – лишь бы давала гения»*, – автор посредством обращения к невербальному ПФ создаёт некую модель мира, в которой данный ПФ становится символическим образцовым носителем тех качеств, которые в сознании лингво-культурного сообщества связаны с ПИ А.С. Пушкина.

5. Парольная: *«Только было начавший проясняться Пётр опять был ввергнут в ту мрачно-сверкающую, звёздно-лунную, казачье-скачущую, шапочно-доносную ночь»* – в данной метафоре автор посредством использования ПИ и прецедентных образов об-

ращается к читателям, способным в данном предложении узнать сцену из ПТ – поэмы «Полтава» А.С. Пушкина.

6. Людическая: «*чёрное дело убийства поэта чернью*». Г.Г. Слышкин определяет людическую функцию ПФ как апелляции автора к читателям посредством языковой игры, основанной на цитации и квазицитации [6: 103]. В данном случае автор актуализирует значение чёрного цвета как символа гибели человека и таланта, используя образ черни из ПТ «Поэт и чернь» и словосочетания чёрное дело.

7. Персуазивная: «*Урок смелости. Урок гордости. Урок верности. Урок судьбы. Урок одиночества*». Автор позаимствовал образ урока из ПТ «Евгений Онегин» («*Онегин, помните ль тот час, / Когда в саду, в аллее нас / Судьба свела, и так смиренно / Урок ваш выслушала я?*»). М.И. Цветаева создаёт метафору из цепочки номинативных предложений, основанную на образе из ПТ, обладающего культурным авторитетом, с целью убеждения читателя.

Рассмотрим взаимосвязь метафорического континуума с каждым видом ПФ.

Прецедентный текст (ПТ) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену лингво-культурного сообщества, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы [3: 47].

ПТ в очерке можно условно разделить на две группы – созданные А.С. Пушкиным (поэмы «Цыганы», «Полтава», роман «Евгений Онегин», стихотворения «Верста», «Поэт и чернь», «Утопленник», «Вурдалак», «Памятник», «Бесы», «К няне», «К морю») и другими авторами («Джейн Эйр» Ш. Бронте, «Воздушный корабль» М.Ю. Лермонтова, «Вий» Н.В. Гоголя).

Начало анализируемого очерка связано с гибелью А.С. Пушкина, что прослеживается в следующем отрывке метафорического континуума: *чёрное дело убийства поэта чернью* → *чернь в мундире кавалергарда убила поэта* → *нас этим выстрелом всех в живот ранили* → *с пушкинской дуэли во мне началась сестра*. Прецедентный образ черни является гипонимом ПТ «Поэт и чернь», таким образом, первая метафора (*чёрное дело убийства поэта чернью*) возникает за счёт синтеза ПС (дуэль А.С. Пушкина) и ПТ (чернь). Следует обратить внимание на тот факт, что узнала М.И. Цветаева об указанной ПС благодаря невербальному ПФ – картине А.А. Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом» (1884). Далее ПС изображается за счёт соединения ПТ и метафоры, осложнённой перифразом (чернь в мундире кавалергарда = Дантес) – *чернь в мундире кавалергарда убила поэта*. ПС дуэли актуализируется и в следующей метафоре (*выстрел*).

Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, ПВ неоднократно воспроизводятся в речи носителей русского языка [3: 48]. Данный термин был предложен В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой.

Примеры ПВ, представленных в очерке: «Сказал и в тёмный лес ягнёнка поволок», «Зима, крестьянин торжествуя», «Сквозь волнистые туманы пробирается луна», «Другой от нас умчался гений» [7].

Как отмечает С.Б. Сереброва, многие прецедентные высказывания сами по себе суть когнитивные метафоры, т.е. в своем каноническом виде они привносят в текст необходимую экспрессию.

ПВ «*Прощай, свободная стихия!*» встречается в метафорическом континууме неоднократно: «*Над морем свободной стихии — Пушкин свободной стихии*». Данная метафора основывается на игре лексических омонимов *стихия – стихия*, таким образом, ПВ выполняет людическую функцию, привлекая внимание читателя к тексту за счёт языковой игры. В обоих случаях (море свободной стихии и Пушкин свободной стихии) эти слова играют роль атрибутива в предложении, однако вначале перед нами пример перифраза (*море свободной стихии* в данном контексте = Тверской бульвар), затем – окказионализм: привычное для нас слово М. Цветаева наделяет абсолютно новым смыслом. В конце очерка автор прямо скажет: «... *безграмотность моего младенческого отождествления стихии со стихами оказалась – прозреием: “свободная стихия” оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются – никогда*». Таким образом, в данном примере ПВ актуализирует ПТ «К морю».

Прецедентная ситуация (ПС) – некая “эталонная”, “идеальная” ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу [3: 47].

В анализируемом очерке автор использовал лишь две ПС: дуэль А.С. Пушкина с Дантесом, встреча Татьяны и Онегина (в саду на скамейке и на балу): *А вот на это, действительно, нет ответа для Татьяны — внятного, и опять она стоит, в зачарованном кругу залы, как тогда — в зачарованном кругу сада, — в зачарованном кругу своего любовного одиночества, тогда — непонадобившаяся, сейчас — возжеленная, и тогда и ныне — любящая и любимой быть не могущая...* Не только ПС, но и прецедентный образ являются аллюзией на текст романа «Евгений Онегин».

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией [3: 48].

ПИ в очерке «Мой Пушкин»:

1) поэты и писатели (Пушкин, Жуковский, Байрон, Б.Пастернак, Блок, Марсель Пруст, Гёте);

2) герои художественных произведений (Дон Жуан, Земфира, Алеко, Мариула, Татьяна, Онегин, Кочубей, Пугачёв, Гринёв, Хома);

3) исторические личности (Николай I, Пётр I, Екатерина II, Наполеон Бонапарт);

4) современники А.С. Пушкина (Гончарова, Дантес) [7].

Особенность использования ПИ в очерке «Мой Пушкин» заключается в том, что традиционное восприятие многих из них кардинально отличается от индивидуального восприятия М.И. Цветаевой. Например, ПИ Наполеон принято относить к социальной сфере, субсфере «война» (Е.А. Нахимова), в то время как в сознании М.И. Цветаевой данный образ ассоциировался с человеком, достойным восхищения и ни разу не использовался метафорически, то есть, в нём не были акцентированы дифференциальные признаки талантливого полководца, захватчика, политического и государственного лидера: «*Наполеон – тот, кто погиз среди мучений, тот, кого замучили. Разве мало – чтобы полюбить на всю жизнь?*»

Принято разграничивать вербальные и невербальные ПФ [3: 44]. Последним в современной лингвистике также уделяется немало внимания (А.А. Евтюгина, Е.А. Земская, Л.П. Иванова, Ю.Б. Пикулева). Невербальные ПФ, встречающиеся в очерке «Мой Пушкин», как правило, служат атрибутивному описанию детства, дома М.И. Цветаевой: картины «Дуэль», «Явление Христа народу», «Убийство Цезаря», памятник А.С. Пушкину в Москве на Тверском бульваре, памятник Петру I (Медный всадник) в Санкт-Петербурге, опера «Русалка».

В частности, образ памятника А.С. Пушкину изображён посредством отдельного метафорического континуума, в котором денотат «памятник», в зависимости от значений, которые хотел актуализировать автор в той или иной ситуации, наделён множеством коннотаций – символ, человек, божество, гигант: *«Пушкин — всегда и отовседа, — до «Дуэли» Наумова была зоря, и, из неё вырстая, в неё уходя, её плечами рассекая, как пловец — реку, — чёрный человек выше всех и чернее всех — с наклоненной головой и шляпой в руке»*. Иногда метафорический континуум разворачивается в рамках одного ССЦ: *«Мрачная мысль — гиганта поставит среди цепей. Ибо стоит Пушкин среди цепей, окружен («огражден») его пьедестал камнями и цепями: камень — цепь, камень — цепь, камень — цепь, всё вместе — круг. Круг николаевских рук, никогда не обнявших поэта, никогда и не выпустивших. Круг, начавшийся словом: «Ты теперь не прежний Пушкин, ты — мой Пушкин» и разомкнувшийся только Дантесовым выстрелом»*. Целостный образ создаётся за счёт соединения и актуализации одновременно невербального ПФ (памятник), вербального – ПИ (Пушкин, Николай I, Дантес) и вербализуемого – ПС (конфликт между А.С. Пушкиным и императором, дуэль с Дантесом).

Анализ функционирования прецедентных феноменов в метафорическом континууме очерка «Мой Пушкин» позволяет сделать вывод о том, что они играли значительную роль в ментально-вербальном лексиконе М.И. Цветаевой. Субъективное поэтическое восприятие подчас резко отличается от сознания социума, нации, к которой данный автор относится. Для создания метафор поэтом использовались все виды ПФ в разнообразных целях – эмоционального воздействия, убеждения, оценки. Ассоциативное наполнение, структура и экспрессивный характер метафорического континуума часто связан с использованием автопрецедентных феноменов, имевших особое аксиологическое значение для М.И. Цветаевой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с.
2. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»): [учебное пособие к спецкурсу]. – К.: «Освита України», 2006. – 140 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – 207 с.
5. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.

6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – 141 с.
7. Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. – М.: “АЛЬФА-КНИГА”, 2008. – 1214 с.
8. Яцура А.П. Прецедентные имена поэтических и прозаических произведений Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко: монография. – Нежин: ООО «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2011. – 256 с.

УДК 811.161.87'37

Чумак В.В., Чолан В.Я.
(Київ, Україна)

СТРАТЕГІЇ ДОСЛІДЖЕНЬ ЛІНГВІСТИЧНИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТУ

У статті розглядаються комунікативна, когнітивна і структурна стратегії досліджень лінгвістичних характеристик тексту, застосування яких дозволяє виділити ідентифікаційні категорійні ознаки у структурі текстів спеціалізованих сфер.

Ключові слова: лінгвістичні стратегії, ідентифікаційні категорійні ознаки, спеціалізовані тексти.

В статье рассматриваются коммуникативная, когнитивная и структурная стратегии исследований лингвистических характеристик текста, применение которых позволяет выделить идентификационные категориальные признаки в структуре текстов специализированных сфер.

Ключевые слова: лингвистические стратегии, идентификационные категориальные признаки, специализированные тексты.

Communicative, cognitive and structure strategies of the linguistic characteristics of the text are under study in this article.

Key words: linguistic strategies, identification categorical signfications, special texts.

Питання структурної організації текстів, покликаних забезпечувати спеціалізовану практичну діяльність окремих комунікативних сфер, побіжно піднімали у різних наукових працях М. М. Бахтін, Т. В. Радзієвська, В. В. Різун та інші лінгвісти, які відзначали важливість впливу факторів комунікативно-психологічної природи на специфіку параметрів таких текстів [1: 159 – 206; 9: 24 – 33; 10: 182; 5: 56 –59]. Співвіднесення специфічних лінгвотекстових параметрів із визначальними ознаками корпусу текстів певної спеціалізованої сфери, дозволило вченим з'ясувати, що саме на цьому цілісному тлі формуються й виявляються інші, притаманні текстам конститутивні ознаки, – спільні текстові ознаки, які не лише узагальнено й варіативно відображають у текстовій структурі відношення базових лінгвістичних понять до результату зв'язування реалій певної

© Чумак В.В., Чолан В.Я., 2012